

УДК 316
ББК 60.5

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

G.E. ZBOROVSKY

ТИПОЛОГИЯ СОЦИОЛОГОВ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

TYPOLOGY OF SOCIOLOGISTS AS SCIENTIFIC PROBLEM

В статье раскрывается проблема типологизации и классификации социологов как социально-профессиональной общности на основе ряда предлагаемых критериев. Автор исходит из того, что в последние годы развития отечественной социологии особое значение приобретает типология социологов, в основание которой ставится их отношение к власти и деятельности властных структур и в связи с этим – к гражданскому обществу.

In article the problem of a tipologization and classification of sociologists as social and professional community on the basis of a number of the offered criteria reveals. The author recognizes that developments of Russian sociology in recent years the typology of sociologists in which basis their attitude to the power and activity of power structures and in this regard – to civil society is put is of particular importance.

Ключевые слова: социологи как социально-профессиональная общность, типы социологов, критерии типологии, отношения с властью.

Key words: sociologists as social and professional community, types of sociologists, criteria of typology, relation with the power.

Одной из значимых общенаучных проблем, которая выступает в исследовании либо его начальной, либо развивающей стадией, является типология. Процесс, приводящий к её появлению, может быть назван типологизацией. Какие бы социальные феномены не рассматривались в качестве предмета изучения, они всегда «нуждаются» в типологии или сопряжённой с ней классификации (рассмотрение различий между ними не входит в число задач данной статьи).

В целом и типология, и типологизация, и типизация, и классификация являются элементами типологического подхода. Под ним В.И. Плотников понимает «совокупность методологических процедур и соответствующих им мыслительных форм, ориентированных на понимание сложных явлений в их структурной самостоятельности, в их становлении и обособлении по отношению к гетерогенной среде. Первичной задачей типологического подхода являются аналитическое расчленение формальной целостности знания и последующий концептуальный синтез его наиболее устойчивых составных частей и внутренних связей в единство нового рода, говоря точнее, в содержательную целостность» [8, с. 930].

Используя типологический подход в социологии, мы имеем возможность применить его для конкретного анализа деятельности субъектов социологического знания и социологических практик – социологов. Для этого важно рассматривать их в качестве членов определённой социально-профессиональной общности, с которой они себя идентифицируют и профессиональную деятельность в рамках которой осуществляют.

Любая социально-профессиональная общность обладает собственной, «внутренней» структурой, которая позволяет давать классификации и выстраивать типологии работников в ней. Социологи как профессиональная группа в этом смысле ничем не отличаются от других. Различия начинаются тогда, когда формулируются критерии классификаций и типологий. Они касаются характера и содержания труда, уровня квалификации, качества профессиональной деятельности, роли в жизни страны, профессионального

сообщества и т. д. [См. подробнее о классификации и типологии социальных общностей: 5, с. 203–298].

В принципе типологий социологов и социологий может быть несколько. Все зависит от того, какие критерии будут рассмотрены в качестве типобразующих. Нас в данной работе интересует в основном критерий отношения между социологией и властью, что вовсе не означает отрицания иных критериев и типологий.

Можно говорить о том, что профессиональная группа социологов стала формироваться в 1960–1970-е гг., несмотря на отсутствие государственного, закреплённого правом, общественным мнением, системой публичного контроля признания профессии. Разумеется, сюда же нужно добавить отсутствие профессионального социологического образования и др. К 1980-м гг. в отечественной социологии сложились определённые типологии работников в соответствии с характером их профессиональной деятельности, включённостью в идеологическую работу партии, отношением к науке и др.

Одну из таких типологий предлагает Р.В. Рывкина. Она пишет о трёх основных типах социологов.

Первый тип – это те, кто выполняет, прежде всего, идеологические задачи, борясь с проникновением чуждых социалистическому обществу идей (этот тип определён как социологи-идеологи).

Второй тип – это социологи, работающие на «заказ», т. е. исследователи прагматической направленности (Рывкина называет их социологами-прагматиками).

Третий тип – это социологи, занимающиеся исключительно исследовательской работой, не «встречающие» ни в какие публичные и демонстративные действия (эта группа получила название социологов-исследователей) [9, с. 21–25].

Б.М. Фирсов предложил (на основе анализа ситуации в петербургской социологии) в качестве одного из вариантов типологий выделить «триаду социологий» – негосударственную, университетскую и академическую – в соответствии с теоретическими основаниями, а также теми нормами и правилами, по которым они возникли и функционируют. Он пишет о том, что «силы сцепления между этими сегментами отсутствуют, как и отсутствуют реальные лозунги для интеграции социологического сообщества, объединённого формальной принадлежностью к одному профессиональному цеху, но разъединённого различием интересов и устремлений его сегментов (частей)» [10, с. 357]. Вряд ли предложенная типология может претендовать на некую универсальность, да её автор и не ставит такой задачи, ограничивая ареал типологии социологическим пространством одного мегаполиса.

Совершенно понятно, что сохраняют своё значение традиционные типологии, связанные с характером и содержанием труда и профилем профессиональной деятельности. Здесь среди социологов мы выделим: теоретиков и эмпириков, занимающихся академической и прикладной наукой, преподавателей социологических дисциплин (часть рабочего времени которых связана с осуществлением научной работы и проведением исследований), аналитиков в бюджетных и коммерческих сферах деятельности, работающих в социологических службах, центрах, фондах, некоммерческих организациях и т. д.

Учитывая наш интерес к типологии социологов, базирующейся на таком критерии, как отношение к власти и деятельности властных структур и в связи с этим – к гражданскому обществу, рассмотрим представляющую значительный интерес типологию отношений социологов с властью, предложенную Б.М. Фирсовым. Он рассматривает семь типических моделей отношений социологов с властью, характерных для отечественной социологии 1960-х – первой половины 1980-х гг. Сразу отметим, что приводимая ниже типология сохраняет своё значение сегодня лишь отчасти. Некоторые модели, к счастью, уже не работают, но не перестают привлекать интереса к ним, хотя бы потому, что это очень близко находящаяся к нам по времени история социологической науки.

Приведём вначале названия этих моделей, а затем каждую из них охарактеризуем подробнее:

- Индивидуальное существование социологов в нише профессиональной деятельности.
- Дистанцирование их от власти.
- Коллективная иммунная защита социологов от власти на основе «игр по правилам».
- Социальный конструктивизм социологов в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти.
- Активное сотрудничество социологов с органами власти.
- Поддержка режима из карьерных интересов.
- Независимо мыслящий ученый [10, с. 140–156].

К первому типу (первой модели) социологов можно отнести специалистов, которые работали «сами по себе», не вступая в коллективы, чаще всего занимались преподавательской деятельностью, которая, как известно, позволяла не вступать в конфликты, тем более с властью, уходить от сотрудничества с коллегами, работать совершенно самостоятельно, занимая свою особую, специфическую нишу в социологии. Такая деятельность выступала своеобразным бегством от реальности отношений социологии и власти. Она была вполне допустима, не подвергалась никакой критике, тем более, ostrакизму. Человек работал, преподавал, публиковался, у него была своя тема исследований, он мог выступать на конференциях, семинарах, но не более того. Такой тип поведения социологов мы бы назвали социологическим эскапизмом (в переводе с англ. *escape* – бегство). Понятно, что подобный характер деятельности мог быть присущ преимущественно социологам-теоретикам, но не эмпирикам, тем более, прикладникам.

Вторая модель поведения социологов означала стремление отдалиться, дистанцироваться от власти, но не способом, описанным выше (просто держаться подальше от неё, в стороне), а путём поддержания тех или иных людей, событий, ситуаций, которые либо осуждались властью, либо явно не получали её поддержки (например, чтение запрещённой литературы, выступление в защиту участников и сторонников событий 1968 г. в Чехословакии, подписание различных протестных и «защитных» писем и т. д.). При этом такие социологи стремились быть как можно дальше от всякого рода руководящих инстанций, не вступать с ними в диалог, не принимать от них никаких предложений о сотрудничестве.

Третья модель подразумевала наличие своеобразной внутренней раздвоенности социолога, когда два типа его поведения не совпадали и даже противостояли друг другу. Первый означал поведение в профессиональной среде на основе «игры по правилам», что гарантировало коллективную иммунную защиту от власти. Что это означало? Прежде всего, как пишет Б.М. Фирсов, «определённую интеграцию с системой и вынужденно-примирительное отношение к некоторым нелегитимным действиям и запретам со стороны власти» [10, с. 143]. Правила игры превращались в правила безопасности деятельности социолога. Среди них Фирсов называет такие, как занятия критикой буржуазной социологии (это было безопасно, не возбуждало повышенного официального внимания, кроме того, через критику можно было сообщить читателю некоторый объём позитивного знания), стремление не выходить за «красные флажки» цензурных и идеологических запретов. Второй тип поведения в рамках третьей модели означал отношения между социологами в очень узком, замкнутом круге, когда в разговорах с близкими коллегами можно было выражать ироничное отношение к руководителям партии и государства.

Четвёртая модель, как полагает Фирсов, может быть соотнесена с ядром мировоззрения «шестидесятников». Социологи, её представлявшие, с одной стороны, осуждали и критиковали социальные порядки в стране (в рамках дозволенного идеологией и цензурой), с другой – проявляли высокий уровень

активности, писали «наверх» письма и записки, чистосердечно (и наивно, добавим мы) полагая, что с их помощью удастся добиться позитивных изменений в стране. Это и были попытки социального конструктивизма, не приведшие к сколько-нибудь ощутимым результатам. Исследователи, придерживающиеся такой модели поведения в отношениях с властью, являлись, по мнению Фирсова, «сторонниками демократического общества, расширения демократических свобод и верили в социологию как в средство раскрепощения социума, позволяющее понять реальные настроения людей, узнать их мнения и показать власти, которая высокомерно настаивала на знании реальных потребностей населения, истинное положение вещей» [10, с. 147].

Пятая модель поведения означала стремление социологов адаптировать свою науку к интересам властных структур и их запросам, получив, таким образом, административный ресурс в решении собственных проблем. Зачастую в основе активного сотрудничества с управленческими структурами лежало гипертрофированное властолюбие социологов, поскольку понятно, что игра на «поле власти» давала дополнительные возможности для его реализации. Появлению такой модели поведения способствовало то обстоятельство, что политическая угодливость (мягче – сервильность) в стране ценилась выше реального профессионализма. В результате социологи часто оказывались перед выбором – быть политически ангажированными или профессионально компетентными. Сочетание того и другого реально оказывалось невозможным.

Шестая модель поведения представлялась наиболее уродливой, поскольку включала в себя коррумпированных властью людей. Это были те, кто добровольно доносил на коллег (по-советски – проявлял бдительность), «оберегал» чистоту марксизма-ленинизма. Их научная компетентность вызывала сильные сомнения, а профессиональный уровень подвергался постоянной критике со стороны коллег. Характерным для представителей шестой модели поведения было не просто стремление «ложиться под власть», а ещё и готовность «лизать ей сапоги».

Наконец, седьмая модель поведения характеризовала очень небольшую группу социологов. В чем-то она напоминала первую модель. Особенность её состояла в том, что люди, её представлявшие, сознательно отдавали себя во власть независимо мыслящей научной среды [10, с. 152] и не вступали ни в какую сделку, прежде всего, со своей научной совестью. Они не подчёркивали и не выделяли своей особой позиции по отношению к власти, оставаясь всегда самими собой.

В современных условиях проблема выявления типов социологов по критерию их отношений с властью приобретает новые очертания. Это связано с изменениями, которые произошли в рамках третьего этапа развития отечественной социологии и характеризуют обе стороны отношения – как социологию, так и власть. Мы считаем целесообразным рассмотреть это отношение в более обобщённом виде, с выходом за пределы нашей страны.

Тогда следует иметь в виду, что взаимодействие между властью и социологией оказывается разнонаправленным и проявляется в различных векторах развития последней. Понимание этого взаимодействия сопряжено с ситуацией, существующей в демократических странах (к числу которых мы не относим Россию), где связь между властью и социологией практически не ощущается. Если она и существует, то действует в имплицитной и латентной форме, так что об этом многие социологи и не догадываются, не говоря уже о том, что они испытывают на себе воздействие властных и политических структур. Рассмотрим типы отношений между социологией и властью с учётом описанной ситуации. Прежде всего, отметим наличие двух главных типов, а затем обратимся к промежуточным.

1. Власть в стране характеризуется господством демократических институтов, и социология в этом случае развивается в свободном и независимом от нее режиме. Научная, преподавательская, практическая деятель-

ность в сфере социологии может быть вообще вне связи с политическим режимом и реагировать лишь на те действия власти и её институтов, которые противоречат существующим нормам, ценностям, традициям и затрагивают интересы конкретных групп людей.

2. Власть в стране не имеет выраженного демократического вектора и определяется давлением авторитарного (или тоталитарного) режима (мы имеем в виду Россию, которой и будет касаться дальнейшая типология). В этом случае социология и её представители оказываются перед выбором. Вариант первый: идти на сотрудничество с властью, поддерживать её на разных уровнях, выполнять заказы (в том числе ангажированные, требующие в ряде случаев поступаться научной совестью), оказывать содействие режиму через систему преподавания. Вариант второй: стремиться к проведению объективных и независимых исследований экономических, социальных и политических процессов, подвергать критическому анализу деятельность властей, поддерживать оппозицию, раскрывать в процессе преподавания подлинную сущность власти, способствовать созданию и поддержке структур гражданского общества, включаться в их деятельность.

Названные два варианта, а по существу два типа (в рамках второго главного типа), как видно, противостоят друг другу по основным позициям и их вектору в отношениях с властью. Но, помимо двух крайних типов, есть и промежуточные, точнее говоря, их конкретизирующие. Первый из них – стремление дистанцироваться от власти, работать в таких проблемных областях, которые находятся весьма далеко от непосредственных интересов властных структур. Это может быть достаточно абстрактный уровень теоретизирования, имеющих мало общего с реальными социальными проблемами. Скажем, речь идёт о социологии науки или социологии знания и исследовании природы и особенностей того или иного вида (типа) знания. Это тот уровень, который можно определить как эпистемологический и который, чаще всего, не имеет прямого выхода к реальной проблематике повседневной, тем более, социально-экономической и общественно-политической жизни.

В рамках намечающегося приближения к этой ситуации и, соответственно, к власти, её создающей, имеет смысл говорить о втором типе социологической деятельности, который принято называть моделью (эпистемологией) абсолютного наблюдателя [4, с. 15]. Суть её в том, чтобы лишь наблюдать, фиксировать, отражать совокупность социальных фактов.

Позиция социолога в этом случае не влияет на объект, она нейтральна и свободна от ценностей. Теория противопоставлена практике, поскольку они представляют различные сферы деятельности. В данном случае социолог даже не интерпретирует ситуацию, а просто её наблюдает и описывает. Конечно, и в этом случае социология не свободна полностью от воздействия власти, поскольку в самом факте наблюдения и описания также можно обнаружить определённое отношение к ней. Но все же социологическое знание и направленность социологического мышления отделены от социальной реальности (включая социально-политическую ситуацию), противопоставлены в чем-то ей и лишь представляют (репрезентируют) её.

Третий тип социологической деятельности относительно имеющейся власти состоит в значительно меньшей (чем во втором) степени дистанцированности от неё. Он связан с интерпретацией наблюдаемых социальных фактов, которые рассматриваются в оптике социологии, её представлений и суждений, а также понятий и теорий, ею используемых. Эта интерпретация выводит социологию на возможность почти прямого взаимодействия с властью, но лишь в том случае, если последняя сама обратит внимание на исследовательскую позицию и проявит к ней интерес. Последний может иметь три вектора – позитивный, негативный и нейтральный. Это значит, что социологическая интерпретация воспринимается властью либо как соответствующая её интересам, либо как противоречащая им, либо как не имеющая практического значения для принимаемых властных решений.

Четвёртый тип социологической деятельности характеризуется как создание перформативной модели (перформативной эпистемологии). Происходит отказ от разделения субъекта и объекта познания. Социология активно включается в сеть отношений с властными структурами. «И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [4, с. 20].

Весь вопрос в том, в какое общество, в какой властный режим должна быть встроена социология и в каком – должна активно участвовать в его деятельности. Конкретизируя этот вопрос, сформулируем ещё один: должна ли она встраиваться в авторитарный (тоталитарный) режим власти и, если да / нет, что это означает на практике? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в процессе анализа перспектив отечественной социологии и её деятельности относительно властного режима. Эта деятельность требует публичности, определённой смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. Таким образом, проблема типологии деятельности социологов позволяет перевести её в постановку вопроса об их публичной деятельности.

По нашему мнению, публичная деятельность – одна из разновидностей так называемой публичной социологии, сам термин и развёрнутая трактовка которого принадлежат известному американскому социологу Майклу Буравому, президенту Международной социологической ассоциации в 2010–2014 гг. Рассмотрим проблему подробнее, поскольку она имеет прямое отношение к разработке типологии социологии и социологов. В статье «За публичную социологию» [11, р. 4–28] им по сути была уточнена концепция основных видов социологической деятельности.

Автор выделяет четыре типа социологической науки и практики: прикладной, профессиональный, критический, публичный. Прикладная социология – это практика, выполняющая заказы рынка услуг. Профессиональная социология – это университетская социология, представители которой занимаются внутренними проблемами академической науки. Критическая социология – это социология, «нападающая» на все виды научной нейтральности, разоблачающая господствующие взгляды, скрытые ценностные пристрастия профессиональных социологов и напоминающая им о научной совести. Наконец, публичная социология, в отличие от первых трёх типов, – это деятельность, выходящая за внутренние границы научных диалогов, обращённая вовне, характеризующаяся вступлением социолога в дискуссию с различными группами публики.

М. Буравой различает два типа публичных социологов – традиционных и органичных. Традиционный публичный социолог обращается к широкой безымянной публике, ничем не выделяющейся и придерживающейся самых общих и обыденных ценностей. Органичный публичный социолог напрямую работает с немногочисленной, сосредоточенной в одном месте публикой, сплочённой, активной, видимой и часто противящейся обыденному и общепринятому.

Сразу отметим, что переносить автоматически на российскую социологию трактовки основных типов, предлагаемых Буравым, вряд ли оправдано. Отечественная социология в своих конкретных проявлениях не дублирует ни американскую, ни европейскую социологию, и традиции, сложившиеся в ней, несколько отличают основные направления социологической деятельности в современной России.

Особенно это касается критической и публичной социологии. Говоря о первой, будем иметь в виду, прежде всего, реализацию критической функции социологии относительно не только и даже не столько самого положения дел в ней (в этом плане она развита крайне слабо), сколько властных решений и действий, а также направлений внутренней и внешней политики государства. Что касается публичной социологии, то, по нашему мнению,

к ней имеет смысл относить участие социологов в различных дискуссиях, выступлениях на «круглых столах», в СМИ, ознакомление населения с результатами эмпирических исследований, участие в работе организаций гражданского общества и т. д.

Нетрудно обнаружить, что первые три типа социологической деятельности не выходят за пределы социологической науки и не касаются широкой аудитории читателей, зрителей, слушателей. И только четвёртый тип – публичная социология – означает возможность выхода науки на общество и активного взаимодействия с ним.

По мнению М.К. Горшкова, публичная социология – это, прежде всего, «социология открытая, лишённая грифа «ДСП» и доступная через масс-медиа широкой общественности, различным слоям населения, словом, всем, кто испытывает желание сверять своё собственное мнение по какому-либо важному вопросу с мнением общества и «видеть» себя в составе гражданского большинства или меньшинства. Тем самым мы приходим к общему выводу: публичная социология – суть реализация общественной роли социологической науки, доступность её информации широким слоям населения – демонстрация её значимости и полезности, возможность использования полученных ею результатов в процессе управления на всех уровнях организации и жизнедеятельности государства и общества» [3, с. 28].

Отметим, что в недавно вышедшей книге [7, с. 39–45] мы уже выделяли четыре основных типа (направления) работы социологов: 1) развитие теории; 2) развитие социологического образования; 3) развитие эмпирических исследований; 4) развитие прикладных социологических практик. Речь шла о тех формах и типах деятельности, которые позволили рассматривать процесс «внутреннего» развития социологической науки от этапа к этапу, через «восхождение» от её теории к прикладным практикам, без «выхода» социологии на массовую аудиторию, на общество, на гражданскую деятельность, на публику и взаимодействие с ней.

В классификации М. Буравого предлагается иной вариант социологических альтернатив, в котором центральное место занимает публичная социология как новая практика. Профессиональная, критическая, прикладная социологии хорошо известны и распространены, но они не позволяют расширить границы влияния социологии на общество, поскольку обращены «внутрь» её. Используя терминологию К. Юнга и выделение им типов «интровертов» и «экстравертов», мы бы рискнули провести в некотором смысле аналогию (пусть и грубую) между этими типами, формами социологии и типами социологов и назвали бы представителей профессиональной, критической, прикладной альтернатив «интровертами», тогда как сторонников публичной социологии – «экстравертами». Значение концепции Буравого состоит в том, что он призывает обратить внимание на необходимость экспликации социологического воздействия на общество не только через исследование, но и путём непосредственного взаимодействия социологии (её конкретных представителей) и публики. По существу речь идёт о новой функции социологии.

Возможности реализации этой функции в разных странах оказываются неодинаковыми. Так, в США вряд ли можно ожидать какого-либо «расширения» социологических практик и выхода социологии в публичную сферу. Известная замкнутость социологии на саму себя (если не сказать – определённая её кастовость) вполне устраивает социологическое сообщество в этой стране и не вызывает у него особого беспокойства. Иное дело – некоторые европейские страны. В своё время (в 1980–1990-е гг.) П. Бурдьё «занимался» публичной социологией, выступая неоднократно с блестящими циклами лекций по французскому телевидению, которые привлекали внимание большой аудитории. Нельзя не сказать о призывах английского социолога Э. Гидденса к ведению социологами публичной деятельности. Он справедливо пишет о том, что «общественность потеряла социологию из вида» [2, с. 4].

Публикация представляет собой перевод статьи английского социолога из британской газеты «Гардиан», в которой её название было несколько иным – «К оружию» («A Call to Arms»). Следовательно, нужно напомнить публике (общественности) о возможностях влияния на неё социологической науки.

А что в этом плане можно сказать о России? Главный вопрос: может ли стать в ней социология публичной? И, если да, то когда, при каких обстоятельствах? Отвечая положительно (только в принципе!) на первый вопрос, отметим возможные обстоятельства становления публичной социологии в нашей стране.

Во-первых, когда материалы и результаты социологических исследований становятся достоянием СМИ, а через них – и массового сознания. Правда, здесь можно столкнуться с определённым ограниченным толкованием возможностей социологии, сводимой к конкретным данным эмпирических исследований (типичный вопрос, задаваемый в СМИ, – что «показывает» социология по той или иной проблеме). Теоретические проблемы, различные интерпретации их СМИ не интересуют, представители средств массовой информации полагают, что могут это сделать не хуже любого социолога. Но главное препятствие в другом: в последние годы произошло резкое изменение характера деятельности подавляющего большинства СМИ, они превратились в «заказной» орган власти. Поэтому, если социологи получают определённый объем критической, «антивластной» информации, становится все меньше шансов на то, что она в полном и объективном виде станет достоянием общественности.

Во-вторых, когда социологи занимаются публичным просвещением, т. е. просвещением различных социальных групп, включая, безусловно, и студентов, и специалистов, имея в виду их участие в публичных дискуссиях, материалы в периодических изданиях (газетах, журналах), чтение публичных лекций для массовых аудиторий (в том числе телевизионных).

В-третьих, когда социологи принимают участие в подготовке и принятии решений по актуальным проблемам общественной жизни на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; при этом их (социологов) выводы, заключения и рекомендации получают публичное одобрение со стороны тех субъектов социального управления, которые заинтересованы в использовании данных научных исследований.

В-четвёртых, когда сами социологи заявляют о своей активной не только научной, но и общественной позиции, когда они выступают от имени определённых социальных групп, выражая и отстаивая их интересы, ощущая себя членами гражданского общества, предлагающими конкретные общественные и гражданские инициативы.

В-пятых, когда социологи сами становятся представителями власти, будь то политическая, административная или общественная её разновидности. В этом случае они (социологи) сами, как правило, своей деятельностью усиливают публичный характер науки, пропагандируют её роль и значение. Впрочем, если эта деятельность не всегда приобретает позитивный резонанс, то эффект такой публичности может оказаться и негативным для самой социологии.

С учётом высказанных соображений следует отметить, что в России, безусловно, существуют все четыре типа социологических практик, однако распределены они неравномерно; одни практики представлены больше, другие – меньше. Конечно, это распределение зависит от ряда факторов. Среди них немаловажное значение приобретает фактор типа поселения. В предыдущей главе и своих прежних работах мы использовали концепцию мир-системного анализа И. Валлерстайна применительно к дифференциации социологии как науки и практики [1, 12, 13, 14]. В соответствии с ней мы выделяли социологический центр, социологическую полупериферию и социологическую периферию [6, с. 466–475].

Рассматривая распространённость основных видов социологических практик (по Буравому), отметим, что первые три альтернативы (профессиональная, прикладная, критическая социологии) имеют место в социологическом центре и социологической полупериферии – наиболее крупных университетских городах, там, где есть сильные социологические факультеты и научные структуры с социологическим присутствием в них (отделы, секторы, лаборатории). При этом существование критической социологии во многом зависит от общей атмосферы, наличия духа свободы, либеральных традиций, которые позволяют представителям социального знания без ограничений высказываться по самым злободневным проблемам общественной жизни и развития науки.

Следует специально подчеркнуть, что такая возможность обусловлена не только атмосферой научной или образовательной организации, но и общей идеологической ситуацией в регионе, позицией их лидеров. Когда ученых и преподавателей снимают с работы или жёстко предупреждают их о недопустимости противоречащих официальной позиции высказываний в адрес тех или иных решений и руководителей, наличие критической социологии вызывает большие сомнения.

Анализируя деятельность социологов в обеих столицах и мегаполисах («миллиониках»), мы имеем все основания говорить о существовании в них публичной социологии, хотя она, безусловно, очень разнородна в своих проявлениях в этих городах. Но чем дальше мы передвигаемся от социологических центров вглубь социологической провинции, по направлению к социологической периферии, тем реже заметны проявления публичной социологии, поскольку они связаны с профессионализмом социологов, их известностью и популярностью. В регионах, особенно не в самых крупных, имеется заметный дефицит таких людей. Справедливости ради нужно сказать, что их и в больших городах не так уж много. Речь идёт о специалистах, умеющих не только проводить интересные и важные исследования, но ещё увлекательно о них писать и рассказывать, выступать в различных СМИ и массовых аудиториях.

Проблема также и в том, что общение социолога с публикой в той или иной форме требует наличия личных и гражданских качеств (которые зачастую тесно связаны между собой, особенно если речь идёт о смелости и мужестве). Они нужны в первую очередь тогда, когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой в угоду заказчикам соответствующих исследований готовы пойти на фальсификации и искажения объективных данных.

В связи с этим возникает важная проблема взаимоотношения социологии, власти и бизнеса, точнее говоря, тех аспектов этого взаимоотношения, которые благодаря социологии приобретают (или могут приобрести) публичный характер. Для социологии в регионах, когда её представители достаточно известны и находятся под «аудио» и «видеонаблюдением», такая публичность иногда может дорого стоить. С другой стороны, используя последние два слова в противоположном контексте, мы можем сказать, что такая публичность «дорогого стоит».

До недавнего времени отношения между социологией и властью как в центре, так и в регионах (на местах) чаще всего оказывались достаточно нейтральными и строились по принципу «не трогать друг друга». Сейчас ситуация заметно меняется. Значительное ухудшение социально-экономического состояния страны, реальный экономический кризис в ней, резкое падение курса рубля, грозящее девальвацией, политическая напряжённость в связи с процессами на Украине и в Крыму, резкое ухудшение отношений со многими странами мира, отменяющиеся визиты и деловые поездки, так или иначе, сказываются на состоянии общественного сознания и общественного мне-

ния, объективную картину которого получать становится все труднее и труднее.

Боязнь вступить в конфронтацию с властью в связи с необходимостью объективно отражать реальное положение дел и общественное мнение по наиболее болезненным точкам ставит перед социологами крайне сложные, подчас неразрешимые задачи, особенно в связи с занесённым над их головами «дамокловым мечом» в виде закона о некоммерческих организациях. Кроме того, не нужно забывать и о том, что в ряде случаев существует финансовая сторона отношений между социологией и властью, поскольку последняя может оказаться заказчиком (и плательщиком) исследований.

У публичной социологии есть ещё одна очень важная задача: привлечение абитуриентов на социологические факультеты и отделения. Чем активнее утверждает себя социология в регионе, тем большую популярность у молодёжи она завоевывает. Обучающий потенциал социологии может быть достаточно значимым, в особенности таким ресурсом располагает публичная социология.

В связи с этим отметим необходимость публичной социологии не только в центре, но и в регионах. Её наличие является гарантом осознания полезности и важности этой науки, одним из условий создания гражданского общества. Но понимание необходимости ещё не означает автоматического признания возможности публичной социологии в регионе.

Помимо обстоятельств, которые были указаны выше и касались предпосылок существования публичной социологии в целом, целесообразно выделить условия, определяющие возможность публичной социологии в регионе. В качестве таковых назовём: 1) стремление социологов быть активными и его реальные проявления в деле внедрения публичной социологии; 2) понимание ими тех сложностей, которые могут возникнуть на этом пути и затронуть их лично; 3) позицию власти – региональной и муниципальной, её отношение к социологии, готовность / неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и деятельности самой власти); 4) позицию СМИ, их отношение к социологии, готовность / неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных явлений и процессов (в том числе и самих СМИ); 5) отношение различных социальных групп к власти, её деятельности, к СМИ, к социологическим исследованиям, наличие выраженного общественного мнения, уровень и характер его изучения в регионе; 6) уровень активности населения, в том числе протестной.

С учётом высказанных соображений следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными и экономическими условиями, в которых её представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоёв населения, т. е. превращаться в публичную социологию.

Литература

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2003. – 268 с.
2. Гидденс, Э. К социологическому сообществу [Текст] / Э. Гидденс // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 4-5.
3. Горшков, М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 23-28.
4. Дудина, В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии [Текст] / В.И. Дудина // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 13-21.
5. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.

6. Зборовский, Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 484 с.
7. Зборовский, Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – 344 с.
8. Плотников, В.И. Типологический подход [Текст] / В.И. Плотников // Современный философский словарь. – Лондон-Франкфурт-на-Майне-Париж-Люксембург-Москва-Минск : Панпринт, 1998. – 1064 с.
9. Рывкина, Р.В. Реакционные традиции и революционные требования [Текст] / Р.В. Рывкина // Век XX и мир. – 1988. – № 3. – С. 21-25.
10. Фирсов, Б.М. История советской социологии: 1950-1980-е годы: очерки [Текст] / Б.М. Фирсов. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 476 с.
11. Burawoy, M. For Public Sociology [Text] / M. Burawoy // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – № 1.
12. Wallerstein, I. The Modern World-System I [Text] / I. Wallerstein. – N. Y. : Academic Press, 1974.
13. Wallerstein, I. The Modern World-System II [Text] / I. Wallerstein. – N. Y. : Academic Press, 1980.
14. Wallerstein, I. The Modern World-System III [Text] / I. Wallerstein. – San-Diego : Academic Press, 1989.